

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКОХРВАТСКИ ЈЕЗИК

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

XLI

Уређивачки одбор:

*др Таијана Бајић-Србић, др Даринка Горџан-Премк, др Ирена Грицакај, др Милка
Ивић, др Павле Ивић, др Радослав Кайић, Блаже Конески, др Тине Лојар,
др Александар Младеновић, др Асим Пецо, др Мићар Пешикан, др Живојин
Ситанојчић, др Драго Ћујић*

Главни уредник
МИЛКА ИВИЋ

БЕОГРАД
1985

О СИНХРОННОМ ОПИСАНИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ МЕСТОИМЕННЫХ НАРЕЧИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ*

1. В синхронных исследованиях по словообразованию местоименные наречия в славянских языках рассматриваются редко или вообще не рассматриваются. Некоторые из них иногда приводятся в качестве примеров немотивированных слов (например, *где, куда, как, когда, тут, здесь* в русском языке и соответствующие им наречия в других языках), а словообразовательная структура других (как, например, *нигде, негде, иде-шо*) описана и особого интереса не вызывает.¹

Настоящая статья посвящена преимущественно наречиям первой группы: во-первых, некоторым вопросам описания их словообразовательной структуры, там, где представляется возможным ее установить, и, во-вторых, некоторым вопросам типологии местоименных наречий в славянских языках.

Различая в синхронном словообразовании, так же как и на других языковых уровнях, динамический аспект синхронии (речевые процессы порождения и осознания языковых единиц) и ее статический аспект, систему существующих в языке словообразовательных отношений в определенный момент его развития,² здесь мы займемся вторым: стати-

* В основе настоящей статьи текст доклада „Словообразовательная структура местоименных наречий в сербохорватском, русском и польском языках“, представленного автором на международной конференции „Сопоставительное изучение словообразования в славянских языках“, состоявшейся с 3 по 7 декабря 1984 года в Москве в организации Института славяноведения и балканистики АН СССР.

¹ См., например, Б. Конески, *Грамајтика на македонскиот литературен јазик*. Дел I и II. Скопје: Култура, 1967, стр. 345, 350—351; М. Стевановић, *Савремени српскохрватски језик I*. Друго издање. Београд: Научна књига, 1970, стр. 418—421; Ј. Торговић, *Slovenska slovnica* Maribor: Obzorja, 1976, str. 272; *Русская грамматика*. Том I. Москва: Наука, 1980, стр. 412—413; Е. Н. Лагутова. Словообразование на базе непроеизводных наречий в современном русском языке. — В сб.: *Актуальные проблемы русского словообразования*, 1 (= Ученые записки Ташкентского педагогического института, т. 143), Ташкент, 1975, стр. 197—202; *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1984, s. 456—466. О словообразовании наречий в русском языке с исторической точки зрения см.: А. К. Коневецкий. *Словообразование наречий*. Вильнюс, 1977. См. также: J. Jahn, *Slovanské adverbium*. (= Acta Universitatis Palackianae Olomucensis, 31). Praha, 1966.

² См.: П. Пипер, Ка типологији граматичких истраживања и описа. — *Зборник радова Института за сјрпани језике и књижевности*, Нови Сад 1984 св. 6, стр. 51—59.

языковых уровней.⁶ В дальнейшем внимание будет сосредоточено в основном на самой развитой подсистеме местоименных наречий — на наречиях с пространственным значением.

3. Членимость многих местоименных наречий легче доказывается, чем их мотивированность. В сербохорватском языке, например, *i-de* — *он-де* и *к-уда* — *он-уда*, или *к-уда* — *он-уда* и *к-амо* — *он-амо* образуют словообразовательные квадраты, наглядно показывающие морфемный состав и первую степень их членимости.⁷ Ср. также в русском языке *г-де* — *вез-де*⁸ и *к-огда* — *вс-егда*, или в македонском *в-аму* — *иџ-аму* и *в-ака* — *иџ-ака*. Существуют, как известно, более узкие и более широкие концепции словообразовательной мотивированности.⁹ Если исходить из понимания синхронного (статического) словообразования как науки о структуре слова в ее обусловленности структурами других слов в данном языке, тогда, по-видимому, приходится признать предметом такой науки не только более или менее регулярные и широко представленные отношения и их воплощающие слова (например, *студент* — *студентка* в русском языке, *učitel* — *učitelka* в чешском языке и т. п.), но и периферийные, даже единичные явления, следовательно и основы с унификсами (например, *почтамт* в русском, или *pastuch* в польском языке), или уникальными корнями (например, *милна* во всех славянских языках). Это согласуется с идеей о необходимости различать не только разные степени членимости, но и разные степени мотивированности слова,¹⁰ что в частности характерно и для местоименных наречий. Так, например, в отличие от ситуации в русском и сербохорватском языках, в которых суффикс *-де* хорошо вычленяется (см. выше), в польском языке суффикс *-dzie* повторяется в наречиях *gdzie* и *wszędzie*. Однако в наречии *wszędzie* помимо корневой морфемы вычленяется и элемент *-ę-*, нарушающий правильность словообразовательного квадрата *g-dzie* — *wsz-ę-dzie* и *s-k-ąd* — *ze-wsz-ąd*. Еще меньшей степенью регулярности отличается структура таких наречий как *tja* в словенском или *tu* в польском языках (с унификсами и *-ja* и *-u*) вплоть до таких наречий как *увек* (= „всегда“) в сербохорватском, которое будучи членом семантической системы местоименных наречий в формальном отношении с ними никаким образом не связано.

4. Мотивированность, как большая степень формальной и (или) смысловой сложности одного слова по отношению к другому, в словообразовательных структурах местоименных наречий иногда представлена

⁶ Вопросу о промежуточном положении местоименных слов между грамматикой и лексикой посвящен ряд работ. См. недавно опубликованную статью П. Гарда: P. Garde, Le pronom: gra n.p.a.i.g.e ou k.x.cue? — *Revue des Etudes slaves*, LVI/2, 1984, p. 171—179.

⁷ По шкале, предложенной М. В. Пеновым (М. В. Панов. О степенях членимости слов. — В кн.: *Различные софеленного русского языка 1972. Словообразование. Членимость слова*. Москва: Наука, 1975, стр. 234—239).

⁸ В морфологической транскрипции <f d, e>, <v#s, d, e>.

⁹ См. короткий, но содержательный обзор в упомянутой книге Ренаты Гржегорчиковой (сноска 3) стр. 12—16.

¹⁰ См.: И. С. Улуханов. *Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания*. Москва: Наука, 1977, стр. 246.

одним уже известным, но менее частотным случаем, при котором большая степень семантической сложности мотивированного слова сопровождается его меньшей сложностью в плане выражения как, например, у глаголов *кататься* и *катать*, из которых второй является семантически мотивированным по отношению к первому, так как его семантическая структура сложнее на сему „каузировать“.¹¹ В подобном словообразовательном отношении находятся и некоторые местоименные наречия, например, вопросительные и неопределенные: *где-то* и *где* в русском языке, *някъде* и *къде* в болгарском, *něhdže* и *hdže* в верхнедужицком и т. д., поскольку в значениях вопросительных местоименных слов, как известно, содержится компонент неопределенности наряду с другими, модальными компонентами, частично или полностью отсутствующими в значениях неопределенных местоимений. В случаях такого формального и семантического соотношения двух однокоренных слов в принципе возможны три решения вопроса об их мотивированности: (а) считать мотивированными те наречия, у которых большая семантическая, но меньшая формальная сложность; (б) считать мотивированными те наречия, у которых большая формальная, но меньшая семантическая сложность; (в) считать такие словообразовательные пары местоименных наречий разновидностью равнопроизводных слов. При различении в синхронной мотивации двух ее аспектов, формальной мотивации и семантической мотивации, которые обычно проявляются совместно, в случаях расщепления этого единства выбор решения может быть обусловлен целью и направлением анализа — при установке на описание иерархии формальных соотношений однокоренных слов следовало бы предпочесть формальную мотивацию, в то время как собственно семантическую мотивацию (например, *шить* → *портной*) принято считать предметом не словообразования, а лексикологии.¹² Поскольку в описаниях словообразовательных отношений учитываются и значение и форма слова, в случаях его семантического усложнения при формальном упрощении, по-видимому, наиболее целесообразным было бы указать и на тот и на другой тип мотивированности. Так, если в сербохорватском языке вопросительное наречие *где* является семантически мотивированным по отношению к *негде*, так же как и *где* в русском языке по отношению к *где-то*, или *къде* в болгарском по отношению к *някъде* и т. п., с формальной точки зрения отношение мотивированности имеет

¹¹ См.: И. А. Мельчук. К понятию словообразования. — *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 1967, вып. 4, стр. 352—353.

¹² Однако если исходить из высказанной выше точки зрения о синхронном словообразовании как науке о структуре слова и отношениях между словами, тогда не представляется совсем оправданным ограничивать предмет этой науки одним общим типом отношений — формально-семантическими (напр., *белый* — *белизна*), поскольку отношения между словами бывают и преимущественно формальные (напр., *белый* — *белье*), или только семантические (напр. *белый* — *черный*). При традиционном употреблении термина словообразование вместо того, чтобы ограничивать словообразование от других видов отношений между словами, квалифицируя их как несловообразовательные, чаще всего (собственно) лексические, кажется нужным рассматривать словообразовательные в узком смысле, т.е. формально-семантические отношения в их связях с другими типами отношений между словами и лучше обобщать лингвистический статус последних.

противоположное направление, т. е. неопределенные местоименные слова мотивируются вопросительными. Однако отношения в словообразовательном гнезде местоименных слов осложняет и тот факт, что значения местоименных наречий как правило перифразируются при помощи местоименных прилагательных, ср. в русском языке *как* = „каким образом“, *куда* = „в каком направлении“, *где* = „в каком месте“, или *везде* = „во всех местах“. Поскольку вопросительные местоименные прилагательные находятся в таком же семантическом и словообразовательном отношении к неопределенным местоименным прилагательным как и вопросительные наречия к неопределенным наречиям (*какой-то* → *какой* так же как и *где-то* → *где*), а неопределенные местоименные прилагательные мотивируют и неопределенные наречия (*где-то* = „в каком-то месте“, *куда-то* = „в каком-то направлении“ и т. п.), семантическая мотивация вопросительных наречий, при тождественности корневых морфем с мотивирующими словами, проходит по двум линиям: неопределенные местоименное прилагательное → вопросительное местоименное местоименное прилагательное → вопросительное местоименное наречие (напр., *какой-то* → *какой* → *где*), и: неопределенное местоименное прилагательное → неопределенное местоименное наречие → вопросительное наречие (напр., *какой-то* → *где-то* → *где*). Значением вопросительного местоименного прилагательного определяется один компонент семантической структуры вопросительного наречия — вопросительный, охватывающий и значение неопределенности, а неопределенным местоименным наречием другой, категориального характера — „место“, „направление“, „образ действия“ и т. д., а также и неопределенность (ср. *Где X?* = „X где-то находится и я хочу, чтобы мне назвали это место“).

Традиционное, формальное решение вопроса о словообразовательном отношении между вопросительными и неопределенными местоименными словами является более простым (вопросительные местоименные слова считаются мотивирующими для неопределенных), но в нем пренебрегается природой семантических отношений между данными местоименными словами при некоторой общности их морфемного состава.

5. Местоименными прилагательными мотивируются и невопросительные местоименные наречия. В сербохорватском языке, например, *овај* является мотивирующим для наречий *овде* = „на овом месту“, *овамо* = „у овом правцу“, *овуда* = „овим путем“, *овако* = „на овај начин“, *оволико* = „у овој количини“; *џај* мотивирует наречия *џамо*, *џуда*; *онај* наречия *онде*, *онамо*, *онуда*; *друји* наречие *друиде* и т. д. В плане выражения такое мотивационное отношение часто сопровождается усечением основы мотивирующего слова. Так, например, в местоимении *који* в сербохорватском языке, дериватами которого являются вопросительные наречия *иде* = „на којем месту“, *куда* = „у којем правцу“, *када* = „у које време“ *како* = „на који начин“, вычленяется посткорневой элемент *-ој-*, отсутствующий в основах мотивированных этим местоимением наречий. Ср. аналогичное явление в русском языке: в структуре местоимения *какой* вычленяется суффикс *-ак-*, отсутствующий

в мотивированных этим местоимением наречиях, например, *где* или *куда*, но входящий в основу наречия *как*, образованного конверсией.

6. Внимание привлекает и структура наречий *куда*, *овуда*, *шуда*, *онуда*, *свуда* в сербохорватском языке, в морфемном составе которых помимо корневой вычлняются две суффиксальные морфемы: морфема *-у-* с пространственным значением, встречающаяся и в структуре наречия *шу*, и морфема *-да* со значением направленности, представленная и в местоименных наречиях времени *када*, *сада*, *шда*, *онда*, *свада*, *вазда*. В наречиях *када*, *шда*, *сада* вычлняется как дифференциальный по отношению к формациям *куда*, *шуда* аффикс *-а-* с временным значением. Таким образом суффикс *-да* в сербохорватском языке в составе пространственных наречий со сложным суффиксом *-уда* и в составе временных наречий является примером типового форманта, объединяющего две ономаσιологические категории с общим признаком направленности, характеризующим полностью категорию времени и все динамические аспекты категории пространства.

Таковы в общих чертах некоторые, наиболее интересные и до сих пор не рассматривающиеся вопросы синхронного анализа словообразовательной структуры местоименных наречий в отдельных славянских языках. Другой круг вопросов связан с задачей словообразовательной типологии славянских местоименных наречий.

7. В описании словообразовательных отношений в отдельном языке, а также в сопоставлении или типологии словообразовательных гнезд и типов в разных языках, как хорошо известно, различаются два основных аспекта исследования — семасиологический и ономаσιологический, онтологической основой которых является асимметричное отношение формы и содержания в языковых подсистемах разных уровней. Из двух возможных подходов к описанию языковых единиц, обладающих и планом содержания и планом выражения, для синхронной словообразовательной типологии семасиологический подход представляется менее перспективным по той причине, что в ряде случаев форманты разных языков, являющиеся исторически тождественными и функционально сходными, оказываются на фонологическом плане различными (напр. в сербохорватском языке *i-de*, в русском языке *г-де*, в польском *g-dzie*¹⁸ в сербохорватском *оик-уд(а)*, в русском *отк-уда*, в польском *sk-qd* и т. п.), так что при спределении отправной точки семасиологической типологии приходится или ссылаться на одинаковое происхождение данных формантов, нарушая тем самым последовательность синхронного анализа, или прибегать к трудно осуществимому постулированию межъязыковых морфонологических инвариантов нескольких в формальном отношении более или менее различных формантов в разных языках, или последовательно трактовать фонологически не полностью идентичные форманты как разные форманты, максимально сужая таким образом круг формантов, составляющих базу синхронной семасиологической типологии.

¹⁸ В морфонологической транскрипции <kde>, <kd, e>, <kdže>. З. Оливерус вычлняет в данном случае в русском языке суффикс *-д-*, см.: Z. Oliverius, A Morphemic Analysis of Some Russian Pronouns — *Slavia*, 1972, XL I, s. 3, 267.

И в словообразовательной типологии, как и в типологии других языковых подсистем, степень типологического сходства, тождества или различия обусловлена прежде всего уровнем абстракции анализа: на уровне общей типологии ономастических категорий возможности синхронной словообразовательной типологии родственных языков в большей степени ограничены отсутствием существенных различий, чем на уровне словообразовательных гнезд и типов. Однако при всех различиях между языковыми „картинами мира“, отраженными в частности и в словообразовательной семантике отдельных языков, семантическую базу сравнения или типологии словообразовательных структур в особенности типологии родственных языков, установить возможно. С этой целью используются различные методы лингвистической типологии. Для ономастической синхронной словообразовательной типологии плодотворной представляется процедура составления эталона всех словообразовательных значений исследуемой подсистемы (например, наречий) в сопоставляемых языках, на фоне которого вырисовывается база сравнения словообразовательных гнезд и типов в отдельных языках.¹⁴ Опыт составления такого эталона будет представлен на примере пространственных местоименных наречий в сербохорватском, русском и польском языках.

8. В семантических структурах местоименных наречий с пространственным значением в сербохорватском, русском и польском языках скрещиваются категориальные значения двух видов: одни из них относятся к статическому аспекту пространственного отношения (положение в пространстве и квантификация пространственных отношений), другие к динамическому аспекту пространственного отношения: *аблативность* (удаление), *адлативность* (приближение), *перлативность* (пересечение), или *локативность* (отсутствие направленности).¹⁵ Значения первого типа представлены и в исходных мотивирующих основах и в словообразовательных аффиксах местоименных наречий, в то время как значения второго типа представлены только в деривационных формах. И в

¹⁴ Такую процедуру можно рассматривать как разновидность той, которая в шестидесятые годы была предложена и разработана Н. И. Толстым на материале славянской диалектной лексики (Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. — *Вопросы языкознания*, 1963, 1, стр. 29—46; 1966, 5, стр. 16—37), а ее основная специфика в данном случае в ономастической направленности анализа и установке на описание исключительно в синхронном плане. См. также работу В. Бланара, в которой в частности подчеркивается взаимодополнительность метода предложенного Н. И. Толстым и исследований славянской лексики в историческом плане (Tolstého sémantická analýza slovanskej slovnéj zásoby. — *Jazykovedný časopis*, XXV, 1974, 1, с. 53—59).

¹⁵ В лингвистических терминологиях разных языков употребляются преимущественно латинские термины для обозначения данных понятий. В русской лингвистической терминологии такие же или подобные значения *падежей* в некоторых языках (напр., палеоазиатских или самодийских) обозначаются и терминами *местный*, *отложительный*, *направительный*, *продольный* падежи, что полностью или приблизительно соответствует тому, что здесь именуется локативностью, аблативностью, адлативностью и перлативностью (см., например, А. Н. Живова. *Грамматика корякского языка*. Ленинград, 1972, стр. 101; З. Н. Куприянова и др. *Ненецкий язык*. Ленинград. Просвещение, 1977, стр. 62—65; Н. М. Терещенко. *Нанасанский язык*. Ленинград: Наука, 1979, стр. 70—92).

том и в другом случае компоненты словообразовательной семантики наречий на парадигматическом плане организованы в подсистему бинарных оппозиций.

9. Единицы, входящие в эталон значений динамического аспекта пространственного отношения, организованы в подсистему из шести субординированных оппозиций, из которых самой широкой является оппозиция *аблативность* / *неаблативность*, первый член которой представлен наречиями с формантами *од-* или *оџ-* в сербохорватском, *от-* в русском и *s-* или его алломорф *ze-* в польском языке (например, в сербохорватском *одакле*, *оџкуд(а)*, в русском *откуда*, в польском *skąd*, *zawsząd* и т. п.), в то время как неаблативные наречия организованы в более узкую оппозицию *общая неаблативность* / *частная неаблативность*. Общая неаблативность характерна для сербохорватских наречий с формантом *-де* (*џде*, *овде*, *онде*), способных выступать во всех значениях динамического аспекта пространственного отношения кроме аблативного (например, *Где се налази* — локативность, *Где је џошао* — адлативность, *Где је џрошао* — перлативность). Наречия со значением частной неаблативности образуют привативную оппозицию на основании критерия *направленности* (неаблативной) (+ / ±). Маркированный член этой оппозиции реализуется как *общая* или *частная направленность*. Общую (неаблативную) направленность иллюстрирует сербохорватское наречие *куд(а)*, способное выступать и в перлативном значении (например, *Куда је џрошао*) и в адлативном значении (например, *Куда је џошао*). Частная направленность в данном случае бывает или только перлативного типа (ср. в польском языке, *Ki órędy idzą*) или только адлативного типа (ср. в сербохорватском языке *Kamo oĵiĵi*). Другую терминальную оппозицию образуют наречия немаркированные по отношению к критерию направленности. Для членов этой, шестой оппозиции в данной подсистеме характерно или *общее локативное* значение (т. е. или локативное, или перлативное [= движение в рамках данного места] в зависимости от внешнего словообразовательного контекста,¹⁶ ср. в русском языке: *Где проходила тропинка* — перлативность, но *Где стоял памятник* — локативность), или *локативно-адлативное* значение, характерное для ряда польских наречий (ср. *Gdzie idziesz* — адлативность, но *Gdzie byłeś* — локативность).

Таким образом в эталоне типовых словообразовательных значений относящихся к динамическому аспекту пространственного отношения семь единиц. Ядро эталона составляют общие для всех трех языков значения аблативности (например, в сербохорв. *оџкуд(а)*, в русск. *откуда*, в польск. *skąd*) и адлативности (например, в сербохорв. *камо*, в русск. *куда*, в польск. *dokąd*). Словообразовательный тип наречий со значением перлативности представлен только в польском языке (например, *któreĵy*, *tęĵy*, *tamtęĵy*), а также наречия с локативно-адлативным значением (*gdzie*, *wszędzie*). Общее неаблативное значение характерно только для сербохорватских наречий с суффиксом *-де* (*џде*, *овде*, *онде*,

¹⁶ Различение внешнего от внутреннего словообразовательного контекста предложено И. С. Улухановым (*Словообразовательная семантика...*, стр. 91).

сваіде), а также перлативно-адлативное значение (*куда, шуда, овуда онуда*), выражающееся суффиксом *-да* в составе сложного суффикса *-уда* (см. пункт 6). Только в русском языке находим наречия со значением общей локативности, выраженным суффиксом *-де* (*где, везде*). Члены семантических оппозиций, представленных в этом эталоне, отражают не только общий семантический потенциал охваченных ими словообразовательных единиц, но и степень их контекстуальной обусловленности. С этой точки зрения можно говорить (а) о наречиях с формантами, допускающими употребление лишь в одном семантическом типе контекста и лишь в одном значении (такими являются все наречия с аблативным значением); (б) о наречиях, допускающих употребление в двух семантических типах контекста и в двух значениях (например, *куда* в сербохорватском, *иде* в русском или *gázie* в польском языке) и (в) о наречиях, исключаящих лишь один тип контекста (аблативный) и лишь одно значение (аблативное) (например, *іде, овде, онде* в сербохорватском языке).

10. Квантификация в системах местоименных наречий в данных трех языках выражается преимущественно аффиксальным способом. В русском, и польском языках значения неопределенности, стоящие близко к квантификации существования, выражаются, как известно, постфиксами, например, *где-то, где-нибудь, где-либо* в русском языке, или *gdzieś, gdziekolwiek* в польском.¹⁷ В сербохорватском языке и неопределенные так же как и отрицательные местоименные наречия образованы префиксацией (например, *неіде, ііде, шііде*). Словообразовательные форманты неопределенных наречий в славянских языках не отличаются существенно от словообразовательных формантов других местоименных слов с неопределенным значением. Они подробно описаны и в отдельных славянских языках и в типологическом освещении.¹⁸

Отрицательное значение выражается префиксально (ср. в сербохорватском *ниіде*, в русском *нигде, негде*, в польском *nigdzie*). Отрицательные наречия как разновидность квантификации всеобщности находятся в отношении дополнительного распределения с так называемыми опреде-

¹⁷ Наречия *негде* (устар.) и *некогда* (в значении „когда-то, давно, в прошлом“) в русском языке, а также все сложные образования с местоименной основой *ког-* в первой части, являются исключением от этого правила. Термин постфикс, предложенный В. В. Лопатиным (в его книге *Русская словообразовательная морфемика*. Москва: Наука, 1977) и вполне уместно применяющийся для обозначения аффиксов *-то, -нибудь, -либо*, когда речь идет о местоименных наречиях приходится использовать условно, так как постфикс стоит в конце слова за его изменяемой частью, в то время как у местоименных наречий изменяемой части на наш взгляд нет. О интерпретации суффиксов местоименных наречий как падежных окончаний см. P. Garde, *De la structure du pronom russe*. — Papers in Slavic Philology. I. Ann Arbor, 1977, p. 100—111; Он же: *Grammaire russe*. I. Paris: Institut d'Études slaves, 1980, p. 249, 258—261. Анализ концепции П. Гарда о обстоятельственных падежах (= местоименных наречиях) дается в нашей книге *Заменички прилози... (стр. 74—77)*, а также в рецензии на *Русскую грамматику* П. Гарда (см.: *Зборник за славистику*, 26. 1984, стр. 175—180).

¹⁸ См., например; H. Krížkova, *System neurčitých zájmen v současných slovanských jazycích*. — *Slavia*, 1971, XL, seš. 3, str. 342—370.

лительными местоименными наречиями (типа *везде* в русском, *свуда* в сербохорватском, или *wszędzie* в польском языке), в которых значение квантификации всеобщности заключено в корневой морфеме. Тождественность денотативного значения наречий типа *везде* и *нигде* при противоположности их сигнификативных значений выявляется в предложениях с дополнительно антонимичными сказуемыми (например, *Это везде разрешается* и *Это nowhere не запрещается* и т. п.), что рассматривается как предмет лексической и синтаксической семантики.¹⁹ Как неопределенные так и отрицательные значения в своих типовых формантах не отличаются от других местоименных слов с отрицательным значением.

11. Значения местонахождения, представленные в корневых морфемах местоименных наречий, распадаются на парадигматическом плане на две группы: (1) локализация по отношению к говорящему, с двумя основными более узкими значениями — (1.1.) локализация в сфере говорящего (например, в сербохорватском *овамо*, в русском *сюда* или в польском языке *tędy*); (1.2.) локализация вне сферы говорящего (например, в сербохорватском *снде*, в русском, *туда*, или в польском *tamtędy*). Во-вторых (2), это локализация по отношению к речевой ситуации в целом с двумя основными частными значениями: (2.1.) положительная локализация (ср. в сербохорватском *дошле*, *одашле*) и (2.2.) отрицательная локализация (ср. в сербохорватском *друде* — „не на датом месту“ или в польском *indziej* с тем же значением, однако чаще в составе сложного образования *gdzie indziej*).²⁰ Процедура составления эталона значений местонахождения, заключенных в исходных мотивирующих основах, является такой же как и в составлении и использовании эталона значений динамического аспекта пространственного отношения, предложенного в пункте 9.

12. Возможности ономазиологической словообразовательной типологии, конечно, не исчерпываются тем, что здесь продемонстрировано в сжатом виде. Описание словообразовательных структур местоименных наречий в отдельных славянских языках на единых методологических основаниях предвдваряет их типологическое описание. Составление эталона и выявление типологической базы и дифференциальных признаков является вторым шагом в процессе словообразовательной типологии. Если такое исследование претендует на охват всех или большинства существенных сторон какой-нибудь словообразовательной подсистемы

¹⁹ См.: П. Пицер. О конверсивных предложениях с квантификативами всеобщности в сербохорватском языке сопоставительно с русским. — В. сб.: *Исследования по славянскому языкознанию*. Под редакцией В. П. Гудкова. Москва: Московский университет, 1984, стр. 147—158.

²⁰ Здесь изложены основные отношения между семантическими признаками локализации, характерными для семантики корневых морфем местоименных наречий и интересными с точки зрения описания местоименных наречий в словообразовательных гнездах местоименных слов. Вместе с семантическими признаками, выражающимися формантами местоименных наречий, эти признаки входят в общий эталон словообразовательных значений местоименных наречий в сопоставляемых языках. Более подробный обзор наречных локализаторов и квантификаторов как семантической системы, во многом относящийся и к их словообразовательным значениям, дается в упомянутой в сноске 4 книге *Заменички ирилози*.

в нескольких языках, в нем должны быть учтены и гнездовой и типовой принципы организации таких систем, не только формально-семантическая, но и преимущественно формальная мотивированность, определяющая собой внутреннюю форму слова, а также связи с другими видами номинации, т. е. и чисто семантическая мотивированность, традиционно рассматриваемая только как предмет лексической семантики. Для такого исследования представляют интерес не только продуктивные, но и мало продуктивные в синхронном смысле, включая даже единичные явления. В каждом таком случае имеются и некоторые общие и некоторые частные проблемы, вытекающие из природы объекта словообразовательной типологии. Здесь сделана попытка рассмотреть некоторые из этих проблем на примере славянских местоименных наречий и указать на несколько до сих пор не рассматриваемых вопросов описания их словообразовательной структуры, представляющих интерес и в теоретическом плане.

Београд

Предраг Шипер

Резюме

Предраг Шипер

О синхроническом опису творбе заменичких прилога у словенским језицима

У синхроничким истраживањима у области творбе речи у словенским језицима заменички прилози се ретко разматрају, или се уопште не разматрају. Неки од њих се наводе као примери немотивисаних речи (нпр., *иде, куда, како, када* у српскохрватском и њихови еквиваленти у другим језицима), док је творбена структура других (нпр., *ниде, неде* и сл.) описана и не привлачи посебну пажњу.

Рад је посвећен претежно прилозима прве групе: прво, неким питањима описана њихове творбене структуре, тамо где се она може утврдити, и, друго, неким питањима творбене типологије заменичких прилога у словенским језицима. Констатује се да су спорна питања творбе речи понекад терминолошког карактера и инсистира се на прецизнијем разграничавању истраживања творбе речи на синхроничком и на дијахроничком плану. Са тих позиција се у првом делу рада анализирају неки занимљиви случајеви творбе прилога у појединим словенским језицима, док је у другом делу дат прилог изграђивању модела ономазиолошке синхроничке типологије творбе словенских заменичких прилога.